
БИБЛИОГРАФІЯ.

Б. Чичеринъ. Философія права. Москва 1900 г.

Едва ли будетъ преувеличеніемъ утверженіе, что для большинства изучающихъ философскія науки въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ философія права навсегда остается закрытой книгой. Свѣдѣнія изъ области этой дисциплины большею частію не превышаютъ двухъ строчекъ изъ учебника философій, въ которыхъ говорится, что „философія права принадлежитъ къ числу наукъ составныхъ съ преобладающимъ эстетическимъ методомъ“ и что она „должна представить законы и нормы нашей общественной дѣятельности“. Среди цѣншихъ и солидныхъ статей и изслѣдованій академическихъ преподавателей по логикѣ, психологій, исторіи философій, этикѣ, эстетикѣ мы напрасно стали бы искать работъ по вопросамъ философій права. Объяснить это пренебреженіе довольно затруднительно. Первое и самое естественное объясненіе состоитъ, конечно, въ указаніи на то, что въ академіяхъ и семинаріяхъ не преподается право. Но вѣдь не преподаются тутъ и естественныя науки; однако наши философы постоянно обращаются къ нимъ въ борьбѣ съ отрицательными теоріями. Дѣло, очевидно, не въ этомъ, а просто въ оплошности, въ незаслуженномъ невниманіи къ основнымъ вопросамъ права. Не очень страдныя послѣдствія этой оплошности давно уже даютъ знать о себѣ. Наша академическая философія, имѣющая охранительный характеръ, пользовалась наибольшимъ вліяніемъ въ періодъ наплыва съ запада враждебныхъ христіанству теорій и ученій. Духовная

наука напрягла свои силы и выдержала испытание. Многие статьи духовных журналов за шестидесятые и семидесятые годы и целыя философско-богословскія изслѣдованія того времени не только читались, но и изучались. Между тѣмъ время принесло новые вопросы. Развитие индустриализма и возрастаніе пролетаріата, зрѣлище ужасающей нищеты рядомъ съ несомнѣннымъ прогрессомъ въ области техники и орудій производства, обостреніе классовой борьбы— все это нѣсколько заклонило вопросы объ *откуда* и *куда* міра и человека и зоветь наиболѣе чуткіе умы къ ягучимъ проблемамъ обществовѣднія. „Теперь, говоритъ Людвигъ Штейнъ въ своей книгѣ — „Соціальный вопросъ съ философскою точки зрѣнія“, должны выступать все лучшіе умы цѣлыхъ поколѣній для того, чтобы своей общей и напряженной умственной дѣятельностію содѣйствовать постепенному разрѣшенію давящихъ насъ своею тяжестью общественныхъ вопросовъ. Мы должны брать отвѣты на безчисленные общественные вопросы изъ всехъ наукъ и искусствъ. Все это должно заставить и представителей философіи выйти изъ ихъ прежняго выжидательнаго положенія и попытаться внести и свою лепту въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ“ (стр. 2). За внушающими по этимъ вопросамъ главнымъ образомъ идетъ грамотное общество и на западѣ, и у насъ. Это не значитъ, конечно, чтобы прежніе теоретическіе вопросы совсѣмъ заглохли, а люди, рѣшавшіе ихъ, были забыты, нѣтъ, но они потускнѣли и вышли изъ моды, хотя, быть можетъ, и на время только. Между тѣмъ академическая философія донинѣ продолжаетъ развивать свои тезисы главнымъ образомъ въ виду все однихъ и тѣхъ же прежнихъ отрицательныхъ теорій. Мѣняется иногда оболочка этихъ теорій и форма ихъ опроверженія, но характеръ самыхъ вопросовъ, которыми она занимается, остается прежній. Несомнѣнно, ея арсеналъ теперь богаче и сильнѣе, ея приемы борьбы искуснѣе, чѣмъ въ шестидесятые и семидесятые годы, но ея задачи очутились дальше отъ жизни. Отсюда ея рѣшенія менѣе обращаютъ на себя вниманія, меньше интересуютъ читающую публику. Свои укрѣпленія она возводитъ перѣдко противъ позицій, почти очищенныхъ противникомъ, и почти напрасно тратитъ свои силы и умѣнье именно въ то время, когда эти силы требуются на

служеніе живому дѣлу. Любопытно, что живыя задачи для академической философіи очень ясно рисовались уже предъ составителями нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій. Въ объяснительной запискѣ къ проэкту этого устава между прочимъ читается: „хотя въ уставѣ поименованы только четыре философскія науки: логика, психологія, метафизика и исторія философіи, но полезно было бы дополнить ихъ курсъ лекціями по философіи права и нравственной. Нравственная философія важна какъ наука вспомогательная для нравственнаго богословія, служа къ разъясненію вопросовъ соціальной жизни, съ философскою точки зрѣнія. Что же касается философіи права, то выраженная въ уставѣ 1814 г. мысль о необходимости основательнаго изслѣдованія „труднѣйшихъ вопросовъ объ устройствѣ гражданскихъ обществъ и основаніяхъ правъ и законовъ“,—имѣетъ нынѣ еще большее приложеніе, чѣмъ тогда. Въ настоящее время являются предметомъ споровъ самыя коренныя начала, на которыхъ держатся семейныя и общественныя связи, и превратныя о нихъ теоріи колеблютъ тишину гражданской нашей жизни и даже церковной“. Теперь приходится особенно пожалѣть, что въ свое время „не было признано возможнымъ образовывать изъ сихъ предметовъ отдѣльную преподавательскую кафедру“.

Итакъ, во всякомъ случаѣ каждый не чуждый философіи, кто хочетъ нынѣ писать и говорить такъ, чтобы его слушали, а также каждый, кто не хочетъ пройти мимо самыхъ ягучихъ вопросовъ современности, неизбежно долженъ имѣть дѣло съ вопросомъ философіи права. По этимъ вопросамъ пишется теперь громадная масса статей и сочиненій и у насъ и за границей. Но именно благодаря этому обилію литературы, требуется особая осторожность въ выборѣ книгъ для первоначальнаго ознакомленія съ дѣломъ. Къ числу такихъ книгъ мы относимъ недавно появившееся сочиненіе извѣстнаго ученаго Б. Н. Чичерина—*Философія права*.

Представимъ сначала перечень основныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ въ книгѣ, а потомъ отмѣтимъ ея характерныя черты.

При изученіи общественныхъ отношеній за исходный пунктъ необходимо брать личность, ибо безъ знанія ея природы и свойствъ ничего нельзя понять въ этихъ отношеніяхъ. О ней

говорится въ 1-ой главѣ книги. Но отдѣльное лице не въ силахъ удовлетворять своимъ потребностямъ: оно ищетъ общенія съ другими. Отсюда вытекаютъ особыя отношенія, рѣчь о которыхъ идетъ во 2-й главѣ первой части — объ обществѣ. Последняя глава первой части говоритъ объ общественномъ развитіи.—Планъ дальнѣйшихъ двухъ книгъ слѣдующій. Личность и общество представляютъ два противоположные элемента общезитія. Духовная природа личности состоитъ въ свободѣ; общественное начало, какъ ограниченіе свободы, выражается въ законѣ. Поэтому основной вопросъ заключается въ отношеніи закона къ свободѣ. Это отношеніе совершенно иное, нежели то, которое господствуетъ въ области физическихъ явленій. Тамъ законъ властвуетъ, какъ физическая необходимость, которой нельзя избѣжать, здѣсь онъ является какъ требованіе, обращаемое къ свободному лицу, которое, какъ таковое, можетъ его исполнить или отъ него уклониться. Отсюда первый и коренной вопросъ: какого рода это требованіе, сопровождается-ли оно принужденіемъ или нѣтъ? Отъ различнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ двойное отношеніе закона къ свободѣ—принудительное и добровольное. Первое касается внѣшнихъ дѣйствій, составляющихъ область внѣшней свободы, которая одна подлежитъ принужденію; второе обращается къ внутреннимъ побужденіямъ, истекающимъ изъ свободы внутренней. Изъ перваго рождается право; второе составляетъ источникъ нравственности. Во второй книгѣ, посвященной праву, авторъ ведетъ рѣчь о существѣ и основныхъ началахъ права (1 гл.), о личныхъ правахъ (2 гл.), о собственности (3 гл.), договорѣ (4 гл.), и нарушеніи права (5 гл.). Въ книгѣ третьей, трактующей о нравственности, имѣются отдѣлы о нравственномъ законѣ и свободѣ (гл. 1), влеченіи и совѣсти (гл. 2), добродѣтели (гл. 3) и нравственномъ идеалѣ (гл. 4).—Осуществляясь во внѣшнемъ мірѣ, нравственный законъ долженъ сообразоваться съ условіями и законами этого міра. Въ этомъ пунктѣ нравственность встрѣчается съ правомъ. Последнее есть принудительное опредѣленіе эмпирическихъ условій человеческой жизни; имъ устроается область внѣшней свободы. Въ какомъ же отношеніи находится эта внѣшняя свобода къ свободѣ внутренней? Какъ сочетаются оба эти начала въ общественной жизни? Отвѣтъ на эти вопросы ведетъ

къ разсмотрѣнію человѣческихъ союзовъ, ибо именно въ нихъ происходитъ сочетаніе нравственности съ правомъ. Этимъ союзамъ авторъ посвящаетъ послѣднюю четвертую книгу своего изслѣдованія. Въ ней онъ говоритъ о существѣ и элементахъ человѣческихъ союзовъ, о семействѣ, гражданскомъ обществѣ, церкви, государствѣ и международныхъ отношеніяхъ.

Таковъ рядъ общихъ вопросовъ, обслѣдуемыхъ въ сочиненіи г. Чичерина. Уже та связь между ними, которая приведена нами, намѣчаетъ отчасти основныя взгляды автора, сказавшіяся при рѣшеніи ихъ. Чтобы ближе познакомиться съ этими взглядами, а затѣмъ и вообще съ манерой автора ставить и рѣшать вопросы, мы позволимъ себѣ кратко, но связно, воспроизвести ходъ мыслей въ третьей главѣ послѣдней книги изслѣдованія—о гражданскомъ обществѣ. Опредѣливъ общество, какъ совокупность частныхъ отношеній между людьми, управляемыхъ частнымъ правомъ, г. Чичеринъ подчеркиваетъ прежде всего отличіе гражданского общества отъ государства. Это признаніе самостоятельности гражданского общества имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для человѣческой личности, для ея свободы и правъ, ибо этимъ она ограждается отъ поглощенія цѣльми.—Въ составъ гражданского общества входятъ двоякаго рода интересы—матеріальныя и духовныя. Первые составляютъ далеко большую часть отношеній, опредѣляемыхъ правомъ. Это обстоятельство иногда ведетъ къ смѣшенію общества гражданского съ экономическимъ, хотя послѣднее составляетъ только часть перваго. Специальный характеръ экономическихъ отношеній дѣлаетъ то, что они становятся предметомъ особой науки—политической экономіи. Г. Чичеринъ, согласно основнымъ своимъ возрѣніямъ, является поклонникомъ такъ называемой классической политической экономіи и противникомъ новѣйшаго социальнаго-этического направленія въ этой наукѣ. Это направленіе, какъ извѣстно, выдвинуло между прочимъ значеніе нравственнаго элемента въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Г. Чичеринъ съ привычною ему энергіей выраженій по поводу этого направленія говоритъ, что „политическая экономія, основанная на нравственныхъ началахъ, есть не только ненаучная, но и безнравственная теорія“.—Отрицая отношеніе экономическихъ явленій къ

правственности, авторъ признаетъ самую тѣсную связь ихъ съ правомъ. Право это есть право частное, гражданское, а не публичное. Допускать, что экономическія отношенія опредѣляются послѣднимъ, а не первымъ, значитъ раздѣлять взгляды социалистовъ. Эти взгляды всецѣло основаны на смѣшеніи общества съ государствомъ, свободнаго взаимодействія единичныхъ силъ съ центральной организаціей совокупнаго союза. — Но если экономическія отношенія по самому существу дѣла управляются началами частного, а не публичнаго права, то спрашивается, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти два элемента. Сочетаніе обонхъ началъ совершается чрезъ то, что экономическія отношенія движутся въ формахъ установленныхъ правомъ, а право, съ своей стороны, приспосабливаетъ свои формы къ потребностямъ экономической жизни. Тутъ есть взаимодействие, въ которомъ однако право является господствующимъ началомъ. А гдѣ есть взаимодействие элементовъ, тамъ есть неизбежное и взаимное вліяніе ихъ другъ на друга. Но именно поэтому всякая односторонняя теорія тутъ неумѣстна. Отсюда полная нестойкость такъ называемаго экономического матеріализма. — Развитіе экономическихъ отношеній подъ охраною права естественно и неизбежно ведетъ къ неравенству. Подъ дѣйствіемъ свободныхъ экономическихъ силъ образуется іерархія лицъ съ различными степенями достатка и проницающею отсюда шириною потребленія. Такъ происходятъ общественные классы. Они могутъ быть весьма разнообразны. Съ экономической точки зрѣнія общество прежде всего раздѣляется на богатыхъ и бѣдныхъ. При водвореніи общественной свободы эти классы вступаютъ въ борьбу. Въ этой борьбѣ погибли древнія республики. Тогда изъ этой борьбы не было исхода. При существованіи рабства не было простора для свободнаго труда, а потому не могъ образоваться средний классъ, связывающій противоположныя крайности. Оставалось воздвигнуть независимую отъ общества власть, которая могла бы ихъ сдерживать. Таково было значеніе греческихъ монархій и римской имперіи. Въ новое время, напротивъ, при свободѣ труда развивается средний классъ, который образуетъ постепенный переходъ отъ низшихъ къ высшимъ и даетъ первымъ возможность возвыситься къ послѣднимъ. Онъ составляетъ поэтому ос-

новой элементъ какъ въ экономическомъ движеніи, такъ и въ общественномъ строѣ. Въ нормальномъ его развитіи заключается истинное разрѣшеніе социальнаго вопроса, возбуждаемаго борьбою классовъ.—Г. Чичеринъ признаетъ, однако, что при борьбѣ промышленныхъ силъ слабые часто остаются въ нападѣ; при неблагопріятныхъ условіяхъ они могутъ дойти даже до крайней степени нищеты. Этотъ недостатокъ экономической свободы восполняется нравственнымъ началомъ, которое порождаетъ благотворительность. Прибѣгающихъ къ ея помощи г. Чичеринъ снѣмнѣе увѣритъ, что въ ней нѣтъ ничего унижительнаго для человѣческаго достоинства. Для утѣшенія бѣдныхъ далѣе г. Чичеринъ призываетъ религію. Она смягчаетъ борьбу нравственнымъ дѣйствіемъ на массы, успокоивая страсти, утоляя страданія, протягивая бѣднымъ руку помощи и призывая къ тому же богатыхъ, наконецъ, примиряя человѣка съ условіями земного существованія и указывая ему утѣшеніе въ загробной жизни. Однако для успокоенія борьбы мало одного нравственно-религіознаго начала: нужно еще развитіе истинныхъ понятій объ обществѣ, объ его задачахъ и о тѣхъ средствахъ, которыя способны вести къ общей идѣи. Это дѣло свѣтскаго просвѣщенія.

Этимъ мы закончимъ обзоръ содержанія главы о гражданскомъ обществѣ. Читатель видитъ, что въ ней поставлены и рѣшаются самые ягучіе вопросы современности. По нимъ онъ можетъ судить о постановкѣ дѣла и въ прочихъ отдѣлахъ книги.

Каково же достоинство отвѣтовъ г. Чичерина на эти вопросы? Всякій, знакомый съ прежними трудами автора по философіи и праву, заранее будетъ ожидать, что это такіе отвѣты, которые во всякомъ случаѣ должны быть выслушаны съ большимъ вниманіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что по вопросамъ, поставленнымъ для рѣшенія и рѣшеннымъ г. Чичеринымъ въ его новой книгѣ, взятымъ въ нихъ совокушности, у насъ въ настоящее время нѣтъ голоса болѣе авторитетнаго. Мы не говоримъ о полувѣковомъ блестящемъ служеніи наукъ, которое уже одно даетъ автору возможность писать со властію на темы по его специальности. Мы имѣемъ въ виду реальныя основанія для этой власти въ видѣ раньше вышедшихъ замѣчательныхъ сочиненій того

же автора: *Исторія политическихъ ученій, О народномъ представительствѣ, Собственность и государство и Курсы государственной науки* въ трехъ отдѣлахъ: *Государственное право, Соціалогія и Политика*. Новое сочиненіе г. Чичерина представляетъ собою въ значительной части только экстрактъ отдѣловъ изъ перечисленныхъ изслѣдованій. Это учебникъ по тѣмъ вопросамъ, разработкѣ которыхъ авторъ отдалъ всю свою жизнь и посвятилъ свой недюжинный талантъ. Подуѣвковая работа естественно сама по себѣ уже страхуетъ автора отъ излишнихъ увлеченій, хотя эти увлеченія почти неизбежны при обращеніи съ такими горячими вопросами, которые входятъ въ философію права. Громадная начитанность въ философской и юридической литературѣ и долгія думы позволяли автору смотрѣть на дѣло съ массы точекъ зрѣнія и спасали его отъ одностороннихъ и скороспѣлыхъ построеній.

Свойствами связнаго конспекта объясняются и видныя рѣдкія достоинства книги. Авторъ излагаетъ въ ней давно выстрадаанные взгляды и убѣжденія и проводитъ ихъ поэтому съ замѣчательною послѣдовательностію. Основная мысль его властно подчиняютъ себѣ все частныя вопросы изслѣдованія и даютъ содержанію книги такое единство и цѣлостность, какія мы встрѣчаемъ только у великихъ мастеровъ мысли и слова. Въ связи съ этимъ стоитъ отчетливость въ расчленовкѣ матеріала, которая чрезвычайно облегчаетъ его усвоеніе. Уже послѣ перваго прочтенія книга почти цѣлкомъ врѣзается въ память. Этому много способствуетъ и необыкновенная ясность изложенія. Авторъ подѣлка имѣть дѣло съ вопросами, которые вошли въ его послѣднюю книгу, и выработать такой языкъ, который по легкости и изяществу не оставляетъ желать ничего большаго. Эта легкость несколько не страдаетъ даже тогда, когда авторъ начинаетъ повторять Гегеля, котораго онъ, какъ извѣстно, состоитъ поклонникомъ.

Все отмѣченныя достоинства новой работы заставляютъ рекомендовать ее именно начинающимъ знакомиться съ дѣломъ. Она не привѣтъ читателю съ перваго раза такихъ предразсудковъ, которые перѣдко навсегда разрушаютъ возможность разумнаго отношенія къ извѣстнымъ вопросамъ. Въ ней читатель найдетъ прекрасное средство подлежаще

дисциплинировать и подготовить свою мысль для занятія вопросами философіи права.

Есть однако въ книгѣ и досадные изъяны. Иногда эти изъяны выходятъ изъ одного источника съ достоинствами. Сейчасъ мы замѣтили, что выдающаго эрудиціи и долгіе труды дѣлаютъ г. Чичерина полнымъ хозяиномъ въ области вопросовъ философіи права и даютъ ему возможность писать со властію. Этою властію однако авторъ иногда злоупотребляетъ. Властный тогь иногда у него переходитъ въ надменный и дерзкій. Опъ нерѣдко не прочь серьезное доказательство или разъясненіе замѣнить бранчивой выходкой. Вотъ напр. комплименты, расточаемые авторомъ эмпирикамъ, о которыхъ онъ такъ же, какъ о социалистахъ, почти не можетъ говорить хладнокровно. „Существованіе субъекта, какъ реальнаго единичнаго существа, лежащаго въ основаніи всѣхъ явленій внутренняго міра, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію (курсивъ въздъ нашъ). Только полное недомысліе можетъ отвергать этотъ всемірный фактъ“ (стр. 28). Особенно достается социалистамъ. Авторъ постоянно казнитъ ихъ „дикіе идеалы, господствующіе въ настоящее время среди невѣжественныхъ массъ и недоучившагося юношества, подстрекаемаго шарлатанами“ (стр. 82). Ихъ безмысліе выставляется на видъ всюду (стр. 82, 131 и др.). Авторъ, какъ мы видѣли, не прочь даже обвинить въ безнравственности социально-этическое направленіе политической экономіи за то, что оно нѣтается основать эту науку на нравственныхъ началахъ (стр. 265). Въ критикѣ утилитаризма авторъ позволяетъ себѣ прибѣгнуть къ слѣдующему аргументу: „съ точки зрѣнія утилитаризма публичная женщина, которая доставляетъ удовольствіе наибольшему количеству людей, будетъ самою добродѣтельною изъ всѣхъ“ (стр. 168). Подобныя выходки, прискорбныя и сами по себѣ, не удобны особенно тѣмъ, что производятъ впечатлѣніе сердитой слабости.

Выше мы указали на то, что продолжительная работа и рѣдкая начптанность автора спасали его отъ увлеченій и одностороннихъ построеній. Но съ другой стороны во время этого долгаго труда нѣкоторыя первоначальныя воззрѣнія автора успѣли, такъ сказать, окостенѣть, что исключало возможность поправокъ и измѣненій, которыхъ необходимо тре-

бывало время. Иногда это заставляет автора игнорировать и отрицать такія вещи, которыя вошли давно въ научный оборотъ. Къ числу застарѣлыхъ idola г. Чичерина слѣдуетъ отнести Гегеля и доведенный до крайности культъ личности, извѣстный индивидуализмъ.

Что касается Гегеля, то во введеніи г. Чичеринъ даже цѣлью своей книги признаетъ реставрацію возрѣвнн нѣмецкаго философа. Жалуясь на „дезорганизацію правосознанія“ въ современномъ обществѣ, авторъ говоритъ: „если мы хотимъ изъ этого разложенія выдти снова въ свѣтлую область мысли и знанія, если мы хотимъ возстановитъ порванное преданіе, то мы должны примкнуть именно къ Гегелю, который представляетъ послѣднее слово идеалистической философіи. Наука тогда только идетъ твердымъ шагомъ и вѣрнымъ путемъ, когда она не начинаеть всякій разъ съизнова, а примыкаетъ къ работамъ предшествующихъ поколѣній, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложнымъ, восполняя пробѣлы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало проверку опыта и логики. Именно это я и старался сдѣлать въ предлагаемомъ сочиненіи; оно представляетъ попытку возстановитъ забытую науку, которой упадокъ роковымъ образомъ отразился на умахъ современниковъ и привелъ къ затмѣнію высшихъ началъ, управляющихъ человѣческой жизнью и служащихъ основой человѣческихъ обществъ“.

Читатель на основаніи этихъ словъ не долженъ опасаться, что въ книгѣ г. Чичерина онъ будетъ имѣть дѣло только или главнымъ образомъ съ головоломными и превысшевыми выкладками нѣмецкаго философа. Нѣтъ, роль Гегеля въ книгѣ гораздо скромнѣе. Явно онъ выступаетъ большею частію только тамъ, гдѣ г. Чичеринъ пользуется его извѣстной формулой закона развитія разума, по которому изъ первоначальнаго единства выдѣляются противоположности и затѣмъ сводятся къ новому высшему единству. Въ рамки этого закона авторъ вставляетъ напр. развитіе церкви. „Мы видимъ, говоритъ онъ, что идея церкви, осуществляясь въ реальномъ мірѣ, слѣдуетъ внутреннему, раціональному закону развитія. Исходною точкою служитъ начало закона (для ясности замѣтимъ, что авторъ основными элементами каждаго общества считаетъ власть, законъ, свободу и цѣль),

которое составляет самое основаніе нравственнаго союза; затѣмъ, изъ общаго корня выдѣляются двѣ противоположности — власть и идея, представляющія единство внѣшнее и единство внутреннее; наконецъ, образуются союзы, основанные на свободѣ и составляющіе переходъ къ чисто свѣтскому развитію. Первоначальное единство разложилось; но возникшіе изъ совокупнаго развитія отдѣльные союзы сохраняются, какъ самостоятельные члены высшаго духовнаго цѣлаго, то есть, идеальнаго союза, обнимающаго живыхъ и умершихъ подъ управленіемъ невидимаго божественнаго главы — Христа" (стр. 295). — Эта игра въ Гегеля въ сущности безобидна. Единственный отдѣлъ изслѣдованія, сильно отзывающійся Гегельянствомъ, это глава третья первой книги, въ которой рѣчь идетъ объ общественномъ развитіи. Тутъ на сцену выступаетъ уже „человѣчество, какъ общій духъ, излагающій свои опредѣленія въ исторіи“. Впрочемъ даже и здѣсь Гегель не портитъ содержанія главы.

Главное неудобство всѣхъ подобныхъ операций въ духѣ гегельянства и съ примѣсю его, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онѣ отпугиваютъ средняго читателя отъ сочиненій г. Чичерина. Гегель такъ намучилъ европейскую мысль тисками своей системы, что одно имя его приводитъ въ ужасъ читающую публику.

Другой *idolum* г. Чичерина въ разсматриваемой книгѣ — это доводимый до крайности индивидуализмъ. Разумѣется, это не есть разнузданный индивидуализмъ анархистовъ, но всеже излишне высокая степень его. Дѣло всегда ставится авторомъ такъ, что индивидуализмъ и коллективизмъ являются у него полными противоположностями безъ возможности соединенія и примиренія ихъ путемъ посредствующихъ звеньевъ. Авторъ всюду намѣренно подчеркиваетъ крайнія формы того и другого. На стр. 66 онъ говоритъ: „индивидуализмъ, состоящій въ признаніи свободы лица, составляетъ краугольный камень всякаго истинно человѣческаго зданія. Теоріи, которыя *не хотятъ знать ничего, кромѣ владычества цѣлаго надъ частями*, пригодны для машинъ, а не для людей“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 226) авторъ замѣчаетъ: „индивидуализмъ составляетъ основное начало всякаго человѣческаго союза; безъ этого нѣтъ истинно-человѣческой жизни, нѣтъ ни права, ни нравственности,

слѣдовательно, нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя отличаютъ человѣческія общества отъ чисто животныхъ соединеній. Отсюда понятна крайняя односторонность тѣхъ ученій, *которыя исходятъ отъ отрицанія индивидуализма*. Г. Чичеринъ не хочетъ признавать никакихъ среднихъ путей. А между тѣмъ *medio* несомнѣнно *tutissimus ibis*. И эти средніе пути существуютъ и въ наукѣ и въ жизни. Соціалистическіе принципы несомнѣнно являются крайностью; но они всеже намѣчаютъ дѣйствительную потребность современныхъ обществъ. Въдѣ всеѣмъ навѣстно, что частичное примѣненіе ихъ въ области экономической жизни дѣлается всеми современными правительствами. Это политика такъ называемаго государственнаго соціализма. *Слѣдующіе ей государственные люди допускаютъ, что производство большей части матеріальныхъ цѣнностей должно быть сохранено за частно-хозяйственной системой*. Но эта система, не цуждаясь въ замѣнѣ, требуетъ однако корректива и дополненія. Этимъ дополненіемъ служитъ система общественно-хозяйственная. Таковъ средній путь. Г. Чичеринъ стоитъ въ сторонѣ отъ него и послѣдовательно крѣпко держится за индивидуалистическое направленіе смитовской школы. Авторъ, какъ мы видѣли, соглашается, что въ борьбѣ богатыхъ и бѣдныхъ при этой системѣ народнаго хозяйства бѣдные „остаются въ накладѣ“, но это его не смущаетъ: у него оказывается подъ рукою достаточно средствъ для ихъ утѣшенія, напр. благотворительность и изученіе философіи права.

Наличій индивидуализмъ г. Чичерина отражается затѣмъ особенно рѣзко въ его взглядахъ на жизнь церкви. Здѣсь преувеличеніе личнаго начала вынуждаетъ автора высказывать иногда прямо парадоксы. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „по существу своему, совращеніе есть возбужденіе религіознаго чувства, слѣдовательно привлеченіе душъ къ Богу, а потому оно должно считаться благомъ, а не зломъ. Это одинъ изъ путей, которыми Богъ дѣйствуетъ на человека“ (стр. 113). Подобные же парадоксы встрѣчаются и въ главѣ четвертой послѣдней книги—о церкви. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ болѣе значительный. „Идеаломъ христіанской церкви представляется союзъ, объемлющій все человѣчество и связывающій его началами вѣры и любви. Но такое

отвлеченное представлѣніе упускаетъ изъ вида разнообразіе человѣческихъ свойствъ и потребностей. Онъ хочетъ наложить на всѣхъ одинакій, неизмѣнный и непреложный законъ: для свободы не остается тутъ мѣста. Между тѣмъ свобода составляетъ нескороенный элементъ человѣческой природы, и именно тотъ, на которомъ покоится все его нравственное существо. Только при свободномъ стремленіи души къ Богу самая религія получаетъ истинное свое значеніе, не какъ внѣшняя только форма, а какъ внутреннее, духовное общеніе единичнаго брѣннаго существа съ абсолютнымъ источникомъ жизни. Это общеніе зависитъ отъ различной восприимчивости людей, въслѣдствіе чего и пути, которыми Богъ приводитъ къ себѣ человѣческую душу, могутъ быть весьма разнообразны. Они должны быть всѣ открыты человѣку; а потому полезно, чтобы существовали различныя церкви, въ которыхъ каждый можетъ найти удовлетвореніе своихъ духовныхъ потребностей“ (стр. 295—296). Подобныхъ парадоксовъ въ изслѣдованіи г. Чичерина впрочемъ немного, и каждый читатель легко можетъ вычестъ ихъ изъ удобопріемлемаго содержанія книги.

Всѣ отмѣченные недочеты новой работы г. Чичерина отнюдь не дѣлаютъ ея непригодной для цѣлей первоначальнаго ознакомленія съ вопросами философіи права. Разумѣется, желательнее было бы рекомендовать книгу безъ подобныхъ недочетовъ. Но такой книги нѣтъ и едва-ли она у насъ скоро появится. Изъ современныхъ писателей нашихъ составить хорошую книгу по философіи права наиболѣе шансовъ имѣлось и имѣется во всякомъ случаѣ у Б. Н. Чичерина.

И. Андреевъ.
